

Сергей Вейгман

ВЕСЫ

Семейные легенды об экономической географии

12+

Сергей Вейгман

**Весы. Семейные легенды об
экономической географии СССР**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Вейгман С. М.

Весы. Семейные легенды об экономической географии СССР /
С. М. Вейгман — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Рассказы об инженерах и весовых мастерах, самолетах и поездах, трех бутылках пшеничного спирта, закрытом как старый гараж заводе, уничтоженном личном деле ефрейтора Советской армии, особенностях персональной доставки в Сибири, нехстати взятых с собой папиросах и двенадцати миллионах рублей, которых, возможно, никогда и не было на свете.

Для оформления обложки была использована картина Николая Горского-Чернышева «Это было недавно – это было давно».

Пророк

Юные выпускники университетов, хранители банковских тайнств и спившиеся токари шестого разряда часто говорят о том, что советская экономика была плановой.

Спорить здесь не о чем: все, кто получал заработную плату в СССР, поклонялись культу выполнения и перевыполнения производственного плана: стране нужно больше чугуна, больше свеклы, больше магнитофонов «Турист», больше шефских концертов для сельских жителей Кировоградской области. План был божеством, а его пророком был весовой мастер. Осмотрев сломавшиеся во время уборки урожая или государственной приемки весы, этот человек мог предсказывать будущее с точностью, которая не снилась даже дельфийскому оракулу. В будущем он ясно видел невыполнение плана, вызовы «на ковер» к высокому областному начальству, грозные телеграммы от заместителя министра, выговор по партийной линии, отстранение от занимаемой должности и ссылку на какую-нибудь отдаленную метеорологическую станцию. Впрочем, как и в случае с другими служителями культа, с весовым мастером всегда можно было договориться при помощи жертвоприношений. Принесение подобных жертв было делом исключительно деликатным: заказов у мастера много, начнешь кричать и звать к сознательности и партийной дисциплине – обидишь пророка и накличешь беду. Тогда сломавшийся алтарь служения плану увезут в мастерские, осмотрят их, найдут причину поломки и по всей форме закажут для сломавшихся весов запасные части. В общем, не пройдет и трех месяцев, как сверкающие хромированными деталями весы вернутся на завод, но мало кому принесут радость. Новые весы – например, для взвешивания груженых зерном грузовиков – в магазине не купишь, а пока ждешь старые – план сгорит, а вместе с планом и очередной крикливый начальник. К тому же как и все настоящие служители культа, весовые мастера не любили строптивых: одного обидишь – все остальные узнают, а узнав – лишат тебя своих пророческих откровений. И тогда хоть кулаком по столу стучи, хоть в ногах у начальника весоремонтных мастерских валяйся – ничего тебе не поможет. Разве что чистосердечное раскаяние, молитва и такие обильные жертвы, о которых еще долго будут вспоминать мастера-пророки, сидя в рабочий полдень за шашками.

Впрочем, подобные крайности случались редко. Несмотря на свою очевидную связь с божеством и сверхъестественные способности визионера, мастер был человеком простым и не посылал начальство искать красную корову для искупительной жертвы. Пророку вежливо предлагали водку, папиросы, конфеты для детишек, свежие овощи и фрукты. Как правило, он соглашался, не настаивая на каком-то определенном подношении – как говорится, от каждого по способностям. Давали и деньги, но о таком помалкивали – как и все советские люди, весовые мастера не хотели садиться в тюрьму по обвинению в получении нетрудовых доходов. Тем более, что зарплаты были небольшими, а семьи пророков хотели кушать.

Принеся положенную обычаям жертву, начальник мог быть спокоен – весы ему ремонтировали быстро, качественно и без лишней волокиты. Впрочем, ремонтировать плохо такие умельцы и доки как Вейгман, Бульман и Плащанский просто не умели. Кстати, именно эта троица, не имевшая никакого специального образования, изобрела в 1956 году ВПШ-200 – знаменитые промышленные шкальные весы, на которых взвешивались грузы весом до 200 кг. Это изобретение превратило Винницкие весоремонтные мастерские в завод «Прибор», который успешно выпускал ВПШ-200 на протяжении 50 лет.

Умение ремонтировать весы и ладить с людьми, которые этим занимались, открывали перед человеком такие широкие горизонты, что дух захватывало. Такой талантливый писатель как Роберт Шекли написал бы, что предприимчивый весовой мастер получал возможность

выйти за пределы своего статуса. Из провинциальных евреев, чье существование советская власть терпела из милости, они превращались в народных героев, магов и фокусников. С помощью небольшого чемоданчика с инструментами они могли получить почти все, о чем только мог мечтать житель провинциального городка. Об их подвигах и удачах не сочиняли стихов и песен. В лучшем случае весовые мастера могли рассчитывать на заметку в городской газете, благодарный тост во время застолья и анекдоты, которые передавали друг другу их ученики. В своей книге я решил исправить эту несправедливость, допущенную по отношению к пророкам плана. Тем более, что одним из них был мой дедушка.

Дедушка

Сложно сказать, чего было больше в дедушкиной жизни: отчаяния или радости. С одной стороны – погромы, три голода, множество смен власти, тридцать седьмой и другие сталинские годы, Вторая мировая война, смерть любимой дочери, «разоблачим врачей-убийц», уехавшие в Израиль и США братья и сестры; с другой – всеобщее уважение, крепкая семья, любимое ремесло и прозвище «Иван Давидович», которое досталось ему от сослуживцев.

– Почему Иван Давидович? – однажды спросил я отца. – Ведь дедушку зовут Абрам Давидович.

– Потому, что пахал как Иван, – без лишних уточнений ответил папа. И хотя мне в то время мне было всего семь лет и вопросы сыпались из меня как листья в конце октября, я все понял.

Небогатая семья прадедушки Давида и прабабушки Неси была очень большой – кроме моего деда у них было еще 11 детей. Таким образом, дедуприходилось рассчитывать только на себя самого и этот расчет оказался довольно точным. Поработав на скотобойне и молотобойцем в кузнице, он устроился подмастерьем к весовому мастеру. По традиции, соискателя вакансии подмастерья сажали за стол и определяли его потенциал по количеству проглоченных витаминов за определенный период времени. Всем бы такой экзамен, скажете вы. Увы, вступительное угощение оказалось едва ли не единственным бонусом обучения – за невнимательное отношение к работе мастер бил своих учеников металлической линейкой по кончикам пальцев. Это было очень больно, но урок запоминался на всю жизнь – работай на совесть. Параллельно дедушка закончил вечернюю школу и рабфак, так что через несколько лет он стал квалифицированным рабочим с законченным средним образованием. По тем временам такое сочетание было редкостью и по этой причине деда Абрама начали быстро продвигать по службе, перебрасывая из одного города Советской Украины в другой. В 1936 году его назначили начальником Проскуровских весоремонтных мастерских, затем перевели в Белую Церковь, а в 1939 году дедушка стал начальником Киевских весоремонтных мастерских и переехал в столицу вместе с молодой женой Ханой и дочкой Фанечкой. Семья поселилась в маленьком домике недалеко от Еврейского базара, напротив тюрьмы. Такое соседство напоминало об опасности слишком стремительного карьерного роста: в стране только-только начала спадать волна «Большого террора», во время которой мог бесследно исчезнуть любой человек – особенно, если он был на виду. Основанием для ареста могли стать анонимный донос или показания, полученные под пыткой от арестованных ранее друзей, коллег и знакомых. На начальников указывали чаще, чем на обычных работяг – ведь сотрудники НКВД в первую очередь стремились разоблачить организацию, которая занималась вредительством на производстве, шпионила и даже готовила покушение на самого товарища Сталина. Где искать такую организацию? Ясное дело, в коллективе. Кто ее будет возглавлять? Конечно, директор. Что полагается тем, кого в такую организацию запишут? Начиная с 1937 года – расстрел, можете не сомневаться.

Не совсем то, о чем мечтают люди, желающие стать начальниками и специально для этого получающие степень МВА? Вот-вот, дедушка все это прекрасно понимал и поэтому не рвался в

министры. Ему гораздо больше нравилось возиться со сломанными весами и проводить время с семьей, чем до поздней ночи выслушивать бесконечные телефонные приказы больших боссов и председательствовать на совещаниях. Тем более, что страна требовала выполнить и перевыполнить очередной пятилетний план, весы часто ломались, а мастеров не хватало. Возможно, со временем ему удалось бы тихо уйти с поста директора, но все изменило лето 1941 года.

После того, как на Киев начали падать немецкие бомбы, дедушка отправил в эвакуацию любимую жену с двухлетним ребенком, проследил за тем, чтобы все оборудование весоремонтных мастерских вывезли на Восток в целости и сохранности, а затем отправился в военкомат. Там внимательно изучили его документы (Вейгман Абрам Давидович, 1911 года рождения, место рождения – г. Проскуров, УССР, беспартийный, рост 162 см, образование – среднее специальное, профессия – весовой мастер) и отправили его на медкомиссию. Врачи осмотрели этого невысокого, крепкого и немногословного человека, нашли у него грыжу и без долгих бесед направили на операцию. Очевидно, дедушка был удивлен: время от времени весовому мастеру требовалось поставить на отремонтированные производственные весы тяжелые гири, общий вес которых должен был составить 200 госконтрольных килограммов, снять их, а затем повторить эту операцию. Благодаря таким физическим упражнениям дед получил закалку, которая не снилась никаким турник-мэнам и оставался крепким мужчиной даже через 50 лет после демобилизации.

Из-за операции, последующего восстановления и курса подготовки молодого бойца дедушка оказался на фронте только во второй половине 1942 года. Призав в новобранце человека технически грамотного, армия отправила его служить командиром орудия в зенитную батарею. Вскоре батарея была переброшена под Сталинград. И здесь навыки мастерового спасли дедушке жизнь.

Батарее деда не пришлось стрелять по прорвавшимся танкам – им хватало забот с самолетами противника, которые во время Сталинградской битвы имели абсолютное превосходство в воздухе и почти не встречали сопротивления советской авиации. Однако сколько бы солдат не воевал, рано или поздно он захочет есть и, желательно, чего-нибудь горячего. Между тем, горячей еды на батарею никто не привозил, и дедушка взялся решить эту проблему. Попросив у командира краткосрочный отпуск, он облазил руины окрестных заводов, набрал кой-какого металлического хлама и сделал из него печку. «Война – это тоже работа, – говорил дедушка много лет спустя маленькому мне. – Ее надо делать хорошо».

Однако сделать печку – это еще не все, ее нужно чем-то топить. Рассчитывать на дрова не приходилось: в волжских степях мало деревьев. Конечно, солдаты могли поискать дровашки на развалинах домов и заводов, но шансов на успех было немного: во-первых, вокруг все разбито, постоянные бомбежки, обстрелы и пожары; во-вторых, конкуренция – в других частях солдаты тоже хотят хоть согреться и съесть что-нибудь горячее. Вот почему дедушка сделал маленькую печку с горелкой и форсунками. Топили печку сырой нефтью, которую можно было легко добыть в цистернах, брошенных на железнодорожных путях. В результате у зенитчиков впервые за долгое время появились суп, каша и горячий чай, что не замедлило отразиться на результатах стрельбы.

Увы, солдатское счастье оказалось недолговечным: изготовленная дедом печка сломалась и его срочно отправили в творческую командировку на развалины ближайшего завода. На этот раз дед возился дольше обычного – ему нужны были материалы для ремонта печной форсунки, а нужные железки долго не попадались. Вернувшись, он увидел, что его боевых товарищей больше нет – пока он искал запасные части для самодельной печки, зенитную батарею разбомбили. Таким образом, дедушка оказался единственным выжившим и вместе с несколькими бойцами из других подразделений был отправлен на переформирование. Горелку от печки дед Абрам захватил с собой: предстояло идти десять суток по волжским степям, рассчитывать на

обеда в туристических кафе не приходилось, так что дедушкина горелка сослужила ему хорошую службу – и себе можно было еду приготовить, и товарищам помочь.

Следующей дедушкиной батарее повезло больше – в составе 3-го Украинского фронта она закончила войну в Одессе весной 1944-го года. Вариантов для трудоустройства у деда хватало – хорошие мастера требовались везде. Однако возвращаться в разрушенный Киев было не слишком разумно, Одесса отпугивала колоссальным разгулом преступности (дедушку не удержала даже должность директора одной из столовых Одесского гарнизона), а везти семью в Проскуров он не хотел, так как был человеком самостоятельным и не желал стеснять пожилых родителей. К счастью, родственники позвали его в Винницу и обещали помочь обустроиться на новом месте. И дедушка с бабушкой поехали.

Муж дедушкиной сестры Ефим Эрлих, демобилизованный после тяжелого ранения, работал в Виннице техническим руководителем весоремонтных мастерских. Таким образом, дедушка получил место без особого труда – ведь после войны квалифицированные мастера были до зарезу нужны практически на любом предприятии. Отныне ему уже не нужно было терять время на бесполезных собраниях и прорабатывать отстающих. Кто-то вступал в партию, делал карьеру и шел на повышение – деда Абрама это не касалось. Он занимался любимым делом, чинил соседям сломанную бытовую технику и электроприборы, а в свободную минуту играл в шахматы с приятелями. Ничего лишнего – простая жизнь простого человека. Но вскоре ему пришлось вспомнить о своем статусе служителя главного культа СССР.

Конфеты и ученики

Уже через год после окончания страшной войны у дедушки и бабушки родился сын, который впоследствии станет моим отцом. Это была огромная радость: в 1941 году первый ребенок семьи умер по дороге в эвакуацию. Увы, кормить жену и сына было нечем – в Советском Союзе начался очередной голод. В государственных магазинах еды почти не было и в лучшем случае там можно было достать немного хлеба, муки и соли, которые продавались по карточкам. Не помните, что такое карточки? Вы счастливый человек, но я вам напомним. Это маленькие прямоугольные кусочки бумаги или картона, на которых было указано название товара (например, «Хлеб»), его вес, а также месяц или день, в который эта карточка была действительна. Выжить без карточек было безумно сложно – ведь они давали право купить нужный товар по низкой государственной цене. Карточки выдавались большей части населения СССР и ценились выше чем деньги – ведь стоимость аналогичных товаров на рынках была намного выше. Потерял карточки или у тебя их украли? Это никого не интересует, новых тебе не выдадут, жди карточек на следующий месяц. Если у тебя нет дополнительных источников дохода, можешь умять родственников и соседей о помощи. Если умять некого и у тебя нет сбережений, можешь варить суп из крапивы, продать пальто или повеситься, причем любое из этих решений будет воспринято в обществе с пониманием. Кстати, в 1946 году продуктовые карточки для детей отменили – это вам не блокадный Ленинград, война кончилась и нечего детишкам сидеть на шее у государства.

Вы, наверное, думаете, что главной причиной голода была война? Безусловно, последствия Второй мировой сказывались, но они были далеко не главной проблемой. Во-первых, часть урожая просто не смогли обработать – огромное количество зерна сгнило на складах. Во-вторых, в 1946 году правительство Советского Союза решило пополнить валютные резервы за счет усиленной продажи зерна за границу – стране были нужны деньги для восстановления разрушенной экономики, нефти и газа в промышленных количествах еще не было, а продажа оружия всегда была в СССР одним из инструментов внешней политики, требующим особого контроля. К тому же в первые послевоенные годы оружие было не самым ходовым товаром – мир вдоволь навоевался и ему хотелось пожить для себя. В общем, советские чиновники явно

не рассчитывали на появление моего папы. Равно как и на большинство остальных граждан вверенной им страны.

Мой отец родился в сентябре 1946 года. Уже через пять дней после его рождения Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР преподнесли дедушки с бабушкой очень неприятный подарок: специальным постановлением цены на продовольствие и обеды в рабочих столовых были увеличены в 2-3 раза, в то время как увеличение зарплат было запрещено. При этом было объявлено, что «Совет Министров СССР в целях подготовки условий для отмены в 1947 году карточной системы и введения единых цен признал необходимым осуществить мероприятия, направленные к сближению высоких коммерческих и низких пайковых цен путем дальнейшего снижения коммерческих и некоторого повышения пайковых цен с тем, чтобы к моменту отмены карточной системы упразднить коммерческие цены и объявить пайковые цены едиными государственными ценами».

Впрочем, как словами не жонглируй, дедушке легче не стало. В 1946 году он зарабатывал не больше 2000 советских рублей и твердо знал, что буханка хлеба на рынке стоит не меньше сотни. А ведь семье с маленьким ребенком нужен не только хлеб.

Деда Абрама в очередной раз спасло ремесло – каждому из начальников производства, которые выпускали хоть какую-нибудь продукцию, снилось невыполнение плана и последующие за этим чудовищным преступлением кары небесные. Производственным весам не снилось ничего, но время от времени они все равно ломались – то ли от всеобщего напряжения, то ли от нарушения условий эксплуатации. И хотя по своей природе дедушка отнюдь не был стяжателем и привык ремонтировать соседскую технику «за спасибо» и плюсики в карму, он решил, как минимум, не отказываться от того, что дают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.